

Жевательные насекомые

Едва разнеслась весть о поимке быка, как те, кто взял на себя заботу о приручении дикого зверья, поспешили к хижине. Было ещё совсем раннее утро, когда они, запыхавшись, ворвались под навес. Корова-хамелеон, укушенная ядовитым насекомым Владыки, всё ещё стояла на коленях, тяжело дыша и едва подавая признаки жизни.

Люди в один голос принялись умолять лорда исцелить животное.

— Это же настоящий бык! — воскликнул кто-то в крайнем возбуждении. — Если мы сможем разводить скот, то забудем о нужде!

— Кто это — бык или корова? Где его поймали?

— Нужно скорее огородить загон!

Стоило Фарфаноэрсу подняться, как в набитой людьми хижине воцарилась гробовая тишина. По его приказу зверя первым делом опутали крепкими верёвками.

— У кого-нибудь есть кольцо для носа?

— Кажется, было... я видел где-то...

— Есть, есть в замке! Я мигом принесу!

Так, слово за словом, дело за делом, хворь была снята, и животное перешло под опеку группы укротителей. Им предстояло на ощупь изучать повадки этого существа — ведь у каждого зверя, обладающего хоть крупицей разума, свой неповторимый характер. Поскольку это был самец, ему дали имя Ганлуо.

Ему повесили на шею колокольчик, но вот вдеть кольцо в нос так и не удалось. Нрав у Ганлуо оказался строптивым: едва почувствовав прилив сил, он попытался атаковать любого, кто осмеливался подойти близко. Поначалу никто не знал, как с ним совладать, но вскоре самый опытный из пастухов — старик, выдавший виды, — нашёл его слабое место. Каким бы ни был этот бык, видимым или нет, нужно было просто притвориться, что ты его не замечаешь. Для коровы-хамелеона это оказалось лучшим успокоительным.

Благодаря этой уловке — стоило лишь сделать вид, что ты занят чем-то другим и смотришь в сторону, — бык становился кротким и безучастно позволял людям крутиться рядом с собой.

Впрочем, это был лишь первый шаг к тому, чтобы поставить необычное животное на службу общине. Впереди было много забот: как отыскать сородичей Ганлуо или целое стадо, нужно ли высаживать больше ядовитых цветов, которые они так любят, каков срок жизни этих существ — вопросов было больше, чем ответов.

Тем временем Фарфаноэрс уже распорядился пересмотреть график патрулирования и проверить запасы красителей. Легкие испарения его не беспокоили, а вот составы с галлюциногенным или парализующим эффектом требовали особого внимания. Остальное было пустяками.

В этом и заключалось главное преимущество тех, кому не грозила вторая смерть.

Провозившись с делами с прошлой ночи, Фарфаноэрс вернулся в замок лишь после полудня. Он наспех принял ванну, сменил одежду и снова погрузился в работу. Склонившись над бумагами, он думал о том, что скоро на этих землях вырастут новые дома — яркие, разноцветные, они разбавят серые будни безжизненной Преисподней и защитят людей от бесконечных дождей.

Все в глубине души молились об одном: «Пусть жизнь станет лучше!»

Даже если в воздухе по-прежнему витал неистребимый дух тлена.

***

— Если вам станет совсем скучно, можете отведать вот это.

— Я не говорил, что мне скучно.

— И всё же, попробуйте.

Фарфаноэрс встряхнул баночку. Послышался сухой, дробный звук.

— Что это?

— О, у этого лакомства великое будущее! — Ансеринус XI приободрился. Он расправил крылья и заговорил тоном, в котором сквозила гордость пополам с восхищением. — Это закуска, которую Эйтель придумала сама. Какая талантливая молодёжь пошла! Всё, от начала до конца, — плод её воображения!

Фарфаноэрс помнил эту девушку. На первый взгляд — тихая и кроткая, но на деле её мысли и поступки были совершенно непредсказуемы. Она словно с рождения не собиралась ни с кем делиться планами, живя в своём собственном, безобидном мире фантазий, превратив себя в

настоящую загадку.

Он снова встряхнул баночку, подаренную Гусем-монстром, почувствовал неладное и высыпал содержимое на ладонь. Это оказались насекомые.

Фарфаноэрс, который и сам не брезговал подобным, недоумённо поднял бровь:

— Это... еда?

— Закуска для аппетита, — поправил его Гусь-монстр. — Жевательные насекомые. С самого нежного возраста их выращивают в деревянных коробах, кормят чистой водой, фруктовой кожурой и мёдом — чистота продукта гарантирована. Когда они созревают, их на время замачивают в травяном порошке, а после обжаривают в масле. У таких насекомых появляется дивный аромат... Внутри концентрируется вкус нежнейшего жира. Я немного помог с разработкой новых вкусов, но имейте в виду: их нужно долго жевать, а глотать вовсе не обязательно.

Разнообразие насекомых впечатляло: тут были и личинки, вид которых мог смутить неподготовленного едока, и вполне приличные на вид пчёлы, нарывники и кузнечики. Фарфаноэрс без тени сомнения отправил одного в рот. Предсказание Гуся-монстра сбылось: вкус был странным, но удивительно стойким. Одни насекомые отдавали дрожжевой выпечкой, другие — фруктами... этот чем-то напоминал авокадо. Плоский жук на вкус оказался точь-в-точь как яблочный уксус — Фарфаноэрсу эта кислинка не понравилась. А вот жук-светляк напомнил томлёный, ставший мягким лук, приправив трапезу какой-то необъяснимой печалью.

Каждое насекомое обладало своим уникальным вкусом. Гусь-монстр пояснил, что они не могут контролировать этот процесс. Гусь-монстр всегда стремился ублажить чревоугодие обитателей поместья, и то, что еду нельзя было проглотить, казалось ему сущим пустяком. Едва работа увенчалась успехом, он поспешил к Фарфаноэрсу за разрешением на массовое производство.

Владыка на мгновение задумался. Если бы Вирадуан был здесь, он бы точно заметил эту мимолётную тень сомнения. Лорд быстро вернул ясность взгляду:

— Значит, вкус невозможно предугадать?

«Это что же, лотерея?»

«А как называть лотерею в этом мире?..»

— Попадаются совсем уж странные вкусы? — спросил Фарфаноэрс.

— Пока что... да, бывает, хоть и редко. Для этой закуски подходят только жесткокрылые, некоторые виды пчёл и мягкотелые личинки. Лишь малая часть из них съедобна сама по себе,

но в целях безопасности... лучше просто насладиться вкусом и выплюнуть.

— Вкусы здешних насекомых, знаете ли, и без того причудливы. Стоит лишь смыть травяным настоем внешние феромоны, как проявляется истинный вкус мяса, а обжарка в масле — отличный способ консервации. Бывают вкусы, которых человек никогда не пробовал, а бывают и такие, что воспринимаются скорее обонянием... понимаете, о чём я? Некоторые на вкус — словно грызёшь дерево. Никто из нас не грыз деревья, но мы точно знаем: это вкус древесины. Ещё попадались трава, вино, мох, стекло, холодный воздух и даже запах старого матраса. Одна женщина и вовсе заявила, что почувствовала вкус материнских слёз.

Гусь-монстр с надеждой воззрился на Фарфаноэrsa, ожидая похвалы для Эйтель. Подобная «жвачка» могла бы скрасить жизнь, хотя и грозила появлением не самых приличных привычек.

— Побочных эффектов не будет?

— Пока не наблюдалось.

— Собери группу добровольцев для дегустации. После приведи их ко мне на осмотр. Если всё и впрямь безопасно — тогда и обсудим продвижение.

«А заодно придётся за ночь составить указ, запрещающий плевать жуками где попало в замке...»

Впрочем, то, что другим глотать запрещалось, не относилось к нему самому. Он выбрал ещё одно насекомое — на этот раз попался вкус боярышника, кислинка, смешанная со сладостью. Вкус, вызывающий ностальгию.

***

Когда очередной этап исследований Гвидо подошёл к концу, те, кто часто заглядывал на доску объявлений, заметили, что в списке доступных товаров появилось нечто новое.

С ростом населения доска в главном холле разрослась с маленькой таблички до полотна в несколько метров шириной. Люди вольно делились здесь новостями или обменивались вещами. Большинство объявлений состояло из простых рисунков, дополненных скупыми надписями, которые для неграмотных зачитывал специальный человек. Впрочем, картинки по-прежнему оставались главным средством общения. Если кому-то нужно было что-то объявить, шли к Лорину — художнику, который при жизни подкрашивал стены в сельской церкви и рисовал картинки для дешёвых книжонок. Он мастерски изображал простых и живых человечков, так что даже последний невежда понимал, о чём речь.

— Это что такое... мыло? Его теперь можно выменять?

— Сто пятьдесят деревянных купонов? Быть не может! Мы же в день всего по пять-шесть штук откладываем... Дорого-то как!

— Да что ты смыслишь! Это же вещь, которую раньше только господа могли себе позволить.

— Что там такое господское?

— Древнее мыло Цзаньпо! Да я такое только у прежнего хозяина видел, за один такой кусочек можно пять коров выменять!

— Да я бы лучше корову взял...

— Не мели чепухи! Главное — знайте, что это очень дорогая вещь... Но, кажется, часть из них выдадут для общего пользования!

— Если нам дадут им попользоваться, тогда ладно...

— Да не тебе его дадут! Глаза протри: в первую очередь тем, кто работает на улице! Слышь, братец Сунци, кто тут недавно из кожи вон лез, лишь бы в замке на тёплое местечко пристроиться?

По толпе прокатился смех. Сунци даже не подумал смутиться или покраснеть:

— Это только «в первую очередь», а потом и купить можно будет! Оно пахнет приятно, да и от мошек защищает...

— С твоей-то ленью ты на него до конца времён копить будешь! — не выдержала проходившая мимо тётушка Брим. Уж она-то знала все грешки этого сорванца.

Это была лишь малая часть перемен. Но сама возможность купить или не купить — великое дело. Есть огромная разница между жизнью в ожидании чего-то хорошего и простым выживанием без надежды.

— А я уж думал, вы не решитесь раздавать мыло Цзаньпо.

— Отчего же? — Фарфаноэрс сам ответил на свой вопрос, не дожидаясь Вирадуана: — Ах, из-за его исключительности? Ну да, ведь нужно же как-то доказывать моё высокое положение... Обособляться от простых людей через еду, одежду и вещи. Но это всего лишь кусок мыла.

— Похоже, вы видали вещи и подороже, — мягко заметил Вирадуан. — Оттого вам и всё равно.

Фарфаноэрс лишь повёл глазами. Что верно, то верно — в его мире резное мыло стоило сущие копейки.

— Его создали, чтобы бороться с мухами и комарами, — юноша слегка вздохнул. На самом деле, он вовсе не горел желанием давать алхимику столько свободы, но стоило Гвидо с головой уйти в эксперименты, как львиная доля его повседневных забот легла на плечи самого Фарфаноэрса.

Хорошо хоть, в его нынешнем состоянии волосы от стресса не выпадали.

— Есть ещё отчёты?

— На стройке домов дела идут неплохо, но господин Кебет и госпожа Флёур снова повздорили...

Старый козёл и Госпожа Бычьего Пойла. Иногда их упрямство и буйный нрав доставляли Фарфаноэрсу головную боль. Однако он не раз случайно видел их в столовой: Старый козёл угрюмо резал своё мясо, а сидящая рядом Флёур громко и весело травила байки. Её лицо горело румянцем, остальные двое тоже улыбались. Стук вилок о глиняные миски, непринуждённая атмосфера — четверо старых друзей, знавших друг друга целую вечность.

Фарфаноэрс понаблюдал за ними мгновение и, прежде чем его заметили, вернулся в кухню. Им не нужны были его наставления или посредничество. Возможно, даже эти споры были не от злобы, а от глубокого чувства долга.

Впрочем, то, что оба были упрямы как бараны, оставалось фактом.

— Пусть спорят. Установи жёсткие сроки: не придут к соглашению вовремя — оштрафуй обоих. Если совсем зашли в тупик — пусть пишут официальный доклад.

— Слушаюсь. Представьте их доводы на своё суждение?

— Посмотрим по обстоятельствам. Можно для начала и других людей спросить... Кстати, как там дела с животноводством?

— Пока затишье... Хотя раньше удалось поймать несколько детёнышей диких зверей, сейчас все силы брошены на быка.

Фарфаноэрс непривычно долго молчал. Виладуан тоже хранил тишину. Иногда Владыка впадал в такие состояния: возможно, он вынашивал новую идею, а может, размышлял о чём-то далёком. Этот юный с виду демон, похожий на наследного принца... Господин, который вникал в каждое дело и жизнь каждого подданного, но чьё сердце, казалось, было совсем не здесь.

Он поднял голову. Из-за своего роста ему приходилось смотреть на многих снизу вверх, но в этом взгляде никогда не было смирения.

— Пусть поторопятся со своими делами, — проговорил он. — Вирадуан.

— Милорд?

— Скоро наступит зима.

Вирадуан склонился, и прежде чем утонуть в его красных зрачках, услышал эту тихую, полную предчувствия фразу.

<http://bllate.org/book/16116/1589359>